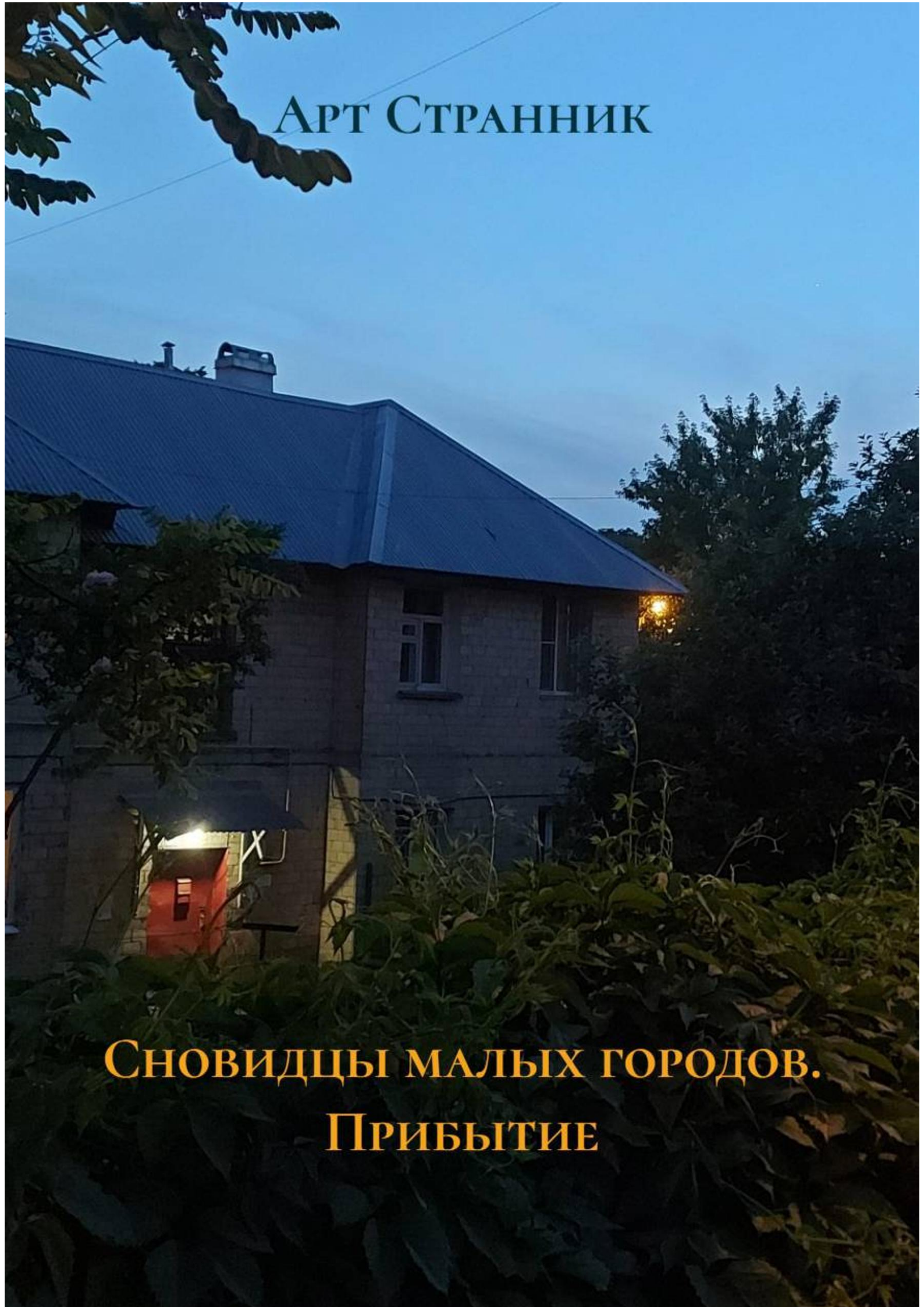

АРТ СТРАННИК

СНОВИДЦЫ МАЛЫХ ГОРОДОВ.
ПРИБЫТИЕ

Арт Странник

**Сновидцы малых
городов. Прибытие**

«Автор»

2026

Странник А.

Сновидцы малых городов. Прибытие / А. Странник — «Автор», 2026

Если вам выпадет шанс начать новую жизнь — вы им воспользуетесь? Этим вопросом задается Саша Пешков, днем неудачливый писатель с разбитым сердцем, а ночью путешественник между мирами и сновидениями других людей. В одном из этих сновидений ему делают предложение: переехать из Москвы в маленький городок Дремовск, где улицы пахнут рекой и кофейной корицей, а за любой дверью может открыться проход в другую вселенную. Саша хватается за эту возможность и отправляется в город на границе миров, чтобы стать учеником одного из лучших магических детективов мира, — и доказать, что он заслуживает шанса на новую жизнь.

© Странник А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Акт I. Сновидец	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сновидцы малых городов. Прибытие

Акт I. Сновидец

Его звали Саша Пешков.

Вам это имя, скорее всего, ничего не скажет — и я не вправе вас за это судить. Еще недавно сам Саша считал себя обычным и даже заурядным человеком.

Нельзя, конечно, сказать, что природа совсем обидела его талантами. Вот, правда, талант у Саши был странным: он видел необычные, пугающе яркие сны.

Он спал и видел неизвестные вам миры. Он бродил по крепостным стенам, залитым золотом осеннего солнца, и по улицам города, который парил среди облаков, и мимо стеклянных фасадов, отразивших созвездия других миров.

Но чаще всего Саша видел небольшой городок, тонущий в зелени. Он ходил по его тихим улочкам, и чувствовал, как в лицо дует ветер летнего вечера. Он разглядывал светлые тени ветвей, пляшущие на светлых фасадах старых домов. Он поднимался по скрипучим деревянным ступеням и заходил в тесную и теплую кофейню, где пахло книжными чернилами.

Иногда он встречал среди постояльцев знакомые лица, и они обменивались кивками и улыбками, и бариста говорила ему: «Вам как всегда?».

С другой стороны — и что с того? Много кому снятся яркие сны. Главное, уметь вернуться обратно — и вот с этим у Саши были проблемы.

Для Саши сны превратились скорее в гирю на ноге, и даже будильник, звонивший по утрам, не могу вырвать его в серую, прямоугольную реальность. Спать целыми днями Саша не мог, но он нашел выход: спрятаться от жизни в фантазиях, своих и чужих.

Книги про подростков-волшебников и героев, спасающих принцесс. Буколический рок примерно про то же самое. Фильмы про неудачников, которые внезапно открывают в себе талант избранного.

Первые двадцать пять лет жизни Саша смотрел на мир тоже как бы сквозь линзы кинокамеры, которые окрашивали реальность в сказочные цвета и отрезали путаницу повседневности. Долгими ночами, когда к нему не шел сон, Саша мечтал, как в один день его несуразная жизнь сложится в цельный пазл, и он наконец-то отыщет свой путь.

А еще он мечтал увидеть миры из своих снов наяву. Конечно, своим мечтами Саша ни с кем не делился: не хватало еще, чтобы приняли за сумасшедшего, — но где-то на доньшке души у него теплилась вера в то, что его места были не просто плодом воображения.

Проблема была в том, что найти эти места или хотя бы доказать их существования Саша никак не мог, — а потому продолжал смирно плестись по обочине неинтересной ему жизни. Друзья и сверстники Саши проносились мимо, а он только вдыхал пыль из-под колес, и дремал на ходу, пленник грез, все больше похожих на сны при высокой температуре.

И все-таки время показало, мечтал Саша совсем не зря. Настал день, когда его сны воплотились в жизнь.

1

Все началось в февральский понедельник.

Москву в тот день заметало, как полузабытую платформу под Чеховым. Всю неделю не было ни единого луча света, и пурга не прекращалась даже на час. Ноги прохожих путались и скользили в снежной каше, и колеса машин вхолостую месили ее, словно весла, гребущие против бурной реки. Огоньки города почти не пробивались сквозь серую пелену, и в душе Саши, как и на улице, царил промозглый февраль.

Он сидел в рабочей столовой, мешая ложкой гороховый суп, и наблюдал за тем, как группа рабочих в оранжевом пытается раскопать крыльцо у редакции. Вокруг говорили при-

глушенные голоса и звенели вилки с ложками и ножами, но Саша их не слышал: из ушей его торчали беспроводные наушники — а мыслями он был далеко.

К примеру, он думал о том, что его скоро уволят. К тому явно все шло. И может быть, отчасти Саша даже хотел, чтобы к этому все и пришло.

Как он потом мне признался, его всегда удивляли коллеги, которые по-настоящему горели своей работой. Он слушал, как они обсуждают громкую кинопремьеру или свежий альбом поп-звезды или связанный с ней последний скандал — и не мог разделить их энтузиазма.

Саша великим трудом пробился в редакцию модного в те годы сайта о развлечениях, потому что хотел писать о музыке и книгах — единственных вещах, которые хоть как-то интересовали его в этой жизни. Прошла пара лет, и он незаметно для себя скатился к написанию заметок из светской хроники и перепечатыванию пресс-релизов, которые им скидывали на почту.

Стажер, которого взяли на работу заодно с ним, — долговязый неразговорчивый парень, хлебавший чай литрами и получавший тонну правок на каждый текст, давно стал вторым редактором в отделе. Карьерный путь Саши, на которого поначалу возлагали все надежды, незаметно для него свернул в тупик.

2

И дело ведь было не в одной только работе. Мало ли тех, у кого с работой не ладится? Ее всегда можно заместить чем-то еще.

Но с личной жизнью, признал Саша, дела обстояли еще хуже: она почти полностью существовала лишь в его воображении.

Привычка мечтать и тут сыграла с ним злую, в каком-то смысле даже ненавистническую шутку. Вместо того, чтобы заводить отношения, Саша их придумывал.

Стоило девушке, вставшей рядом на светофоре или севшей напротив в метро, хотя бы взглянуть мельком в его сторону, как Саша уже представлял себе их счастливую совместную жизнь. Первый разговор, первый поход в кино или на концерт, первый поцелуй... ну и это там, шуры-муры всякие.

В любом случае, дальше фантазий дело не шло. Когда Саша возвращался в реальный мир, то обнаруживал, что девушки уже след простыл, а он заснул с раскрытым ртом, из которого на воротник течет паутина слюны.

Была, правда, на первом году работы одна коллега, с которой Саше удалось наладить контакт. При этом нельзя сказать, чтобы она его сильно привлекала, — по крайней мере, внешне типаж был не тот — но это не помешало ему провести несколько недель в лихорадочных мечтах о том, как он будет строить с ней совместную жизнь.

Они даже сходили на одно... свидание? Наверное, это можно так назвать. Они провели пару часов, гуляя по осенней Москве, болтали о самых разных вещах. Кажется, даже с интересом: по крайней мере, Саша прочитал ей целую лекцию о любимых фэнтези-романах.

Закончилось все в супермаркете, куда они зашли за газировкой. Здесь девушка (кажется, ее звали Лизой?), продираясь сквозь меню на кассе самообслуживания, наткнулась на предложение «Поможем малоимущим детям!». Его сопровождал набор опций: 50 рублей, 100 рублей, 200 рублей, 300 рублей.

Лиза предложила ему пожертвовать по пятьдесят рублей, — и надо было Саше ляпнуть: — Зачем?

Лицо девушки передернулось, и она сказала:

— Чтобы помочь бедным детям.

— А почему тогда сам магазин не жертвует? Мы уже платим за газировку.

— Но ведь... — пару секунд Лиза искала аргумент. — Но ведь магазину нужны деньги зарабатывать.

— Ну, мне тоже. Жизнь не бесплатная.

После этого они больше на свидания не ходили. С тех пор, когда они случайно пересекались в офисе, Саша притворялся, что не узнает ее. Когда она уволилась, он только вздохнул с облегчением.

Вспомнив это, Саша скривился и, чтобы не взвыть на всю столовую, набил рот остывшими макаронами.

Хуже, чем со свиданиями, у Саши дело обстояло с друзьями. Собственно, с декабря прошлого года у него не осталось друзей.

3

— И это не дает тебе покоя.

— Не дает покоя... Пфф, — фыркает Саша. Он бросает на стол мятую обертку шоколадного батончика.

— Как вы так точно догадались! Конечно, это не дает мне покоя!

Его собеседницу не смущает выпад.

— Ты хочешь об этом рассказать?

Саша уверен, что где-то ее видел. Саша мог бы в этом поклясться. Большие карие глаза и каштановые волосы, подстриженные у шеи. Восточный разрез глаз. Висящее на плечах длинное бежевое пальто и непонятный холод, сквозящий в ее лице.

— Не уверен.

Он хватает с блюда пакетик сахара и пробует раскрыть его непослушными пальцами.

— Давай помогу, — предлагает собеседница.

— Спасибо, я сам, — говорит Саша. Где-то он точно ее видел.

Пальцы все никак не могут разделаться с фантиком, и он с досадой хлопает ладонью по столешнице. Женщина протягивает раскрытую ладонь, и Саша неохотно вкладывает в нее фантик.

— Эти упаковки дурацкие стали...

Женщина разворачивает пакетик одним быстрым движением и бросает кубик в чашку Саши. Он сокрушенно вздыхает.

— Не обращай внимания, — говорит она. — Давай поговорим о чем-нибудь другом.

Саша смотрит на бежевые обои кофейни, залитые солнцем, и на тени ветвей, мерцающие на стене.

— О чем, например? — спрашивает он.

— О твоей повести.

4

Творчество Саша было в последние полгода единственным светлым пятном на ткани его жизни. По крайней мере, так он считал.

Сочинять истории Саша начал еще в детстве. Сперва он записывал свои сны в свободную школьную тетрадь, чтобы просто сохранить их в памяти. Затем ему стало скучно только записывать сны, и он принялся придумывать, что бы такого могло произойти в его сновидениях. Обычные истории, которые могли прийти в голову школьнику: зловещие рассказы про козни темных магов и героев, спасающих принцесс из высоких башен.

Однако стоило Саше показать свои истории родителям и друзьям (и как они только разобрали его почерк?) — и он услышал те самые роковые слова: «Слушай, а ты у нас настоящий писатель!».

Так Саша покатился по наклонной. Мечта стать выдающимся писателем захватила его разум, как энцефалит.

С десяти лет он всегда что-нибудь, да сочинял. В кладовке родителей Саши раньше лежали коробки, набитые пожелтевшими тетрадями, которые он исписал и исчеркал мелким почерком. Две дюжины рассказов, две законченные повести и три незавершенные, — а еще десятки неуклюжих стихотворений и полдюжины начатых и брошенных романов.

Почему он их бросил, Саша уже сам не помнил. Впрочем, это не имело значения.

Правда была в том, что в один момент ему исполнилось восемнадцать, и он превратился из одаренного ребенка в студента-недоучку — и его сочинения перестали быть чем-то особенным. Сочиняешь стихи? Поздравляю, нас таких штук двадцать на твоём факультете.

К тому же творения Саши на фоне чужих сочинений выглядели... бедновато они выглядели, честно говоря. Деревянные персонажи с деревянными репликами. Чугунные метафоры, перегруженные настолько, что проседали половицы. Сюжеты, которые ни грамма не походили на реальную жизнь.

И ладно бы кто-то высказал это ему напрямик. Беда была в том, что Саша встречал либо насмешки: «Тебя кто к клавиатуре пустил?» — либо смущенные, с отводом глаз в сторону, оправдания: «Слушай, ну это мне не нравится, а кому-то другому, может быть, понравится».

От первых Саша укрывался за ответными насмешками («Сейчас бы перед дураками оправдываться!»). Однако вторые его по-настоящему тревожили — ведь за такими округлыми формулировками обычно скрывают неприятную правду. И где-то курсе на третьем он открыл для себя эту правду: он перечитал свой последний незаконченный роман, а затем вынес его распечатку на пустырь за домом, обложил хворостом листы, скрепленные степлером, и поджег их с четырех сторон.

Прodelать то же самое с остальными сочинениями Саша не решился, поэтому они отправились в кладовку родителей. Следующие пять лет он фантазировал только во сне.

5

— Вы не поверите, но я люблю сдаваться, — говорит Саша. — Никто не любит, а я люблю. Это одна из немногих вещей, которые мне по плечу.

Собеседница пропускает этот взрыв самоуничтожения мимо ушей.

— И что изменилось? — спрашивает она.

— В каком смысле изменилось?

Саша отхлебывает терпкий, горький кофе, и почти не чувствует привкус сахара. Неужели забыл помешать, думает он и тянется за вторым кубиком.

— Почему ты вновь стал думать о творчестве? Почему ты стал думать о Бобби Гане?

Саша вздрагивает, и ему кажется, что чашка тоже трясется на блюдечке.

— А вы это как узнали?

Женщина жмет одним плечом.

— Расскажи свою часть, и я расскажу свою.

6

За недели до того, как Саша провел сам себе интервенцию в столовой модной московской редакции, к нему в голову постучался один из старых знакомых.

Знакомого звали Бобби Ган. Почему? Да потому что он жил в штате Мичиган.

Давным-давно, еще в старшей школе, у Саши была рифма: «Жил-был на свете бандит Бобби Ган — самый лучший стрелок на весь штат Мичиган». Кажется, она стала основой поэмы, в которой лихого бандита сражает еще более бравый шериф.

Неизвестно, откуда у него вообще возникла идея: может, Саша тогда впервые посмотрел вестерны с Клинтом Иствудом? Он даже не удосужился проверить по атласу, где находится штат Мичиган, — ведь если бы он это проверил, то понял бы, что северный штат, заполненный озерами, не очень подходит для вестерна.

Так или иначе, спустя почти десять лет Бобби Ган постучался в голову Саши. Это произошло в один из долгих зимних вечеров, когда Саша стоял в вагоне метро, и его сжимали тела в толстых зимних куртках, а их владельцы стояли с взглядом транквилизированных коров. Мозг пустовал, застиранный работой, и внутри черепной коробки Саши крутилась лишь песня, попавшаяся ему в плейлисте. И песня говорила ему:

«Ты не стал невидимкой / Тебя попросту нет».

И стоило ему услышать эту строчку, как она развернулась в образ: Бобби сидит в темной комнате, на тумбе проигрывателя вращается винил с той самой песней Shins, и Бобби слушает его вполуха — но глаза его прикованы к окну, за которым дрожат под дождем листья цветущего дуба, и думает он о том, что хотел бы сбежать.

Бобби сильно изменился за прошедшие годы. Из лихого бандита он превратился в пухловатого, замкнутого школьника, которого не понимали ни семья, ни одноклассники.

Саша вновь и вновь думал о мальчике Бобби, пока сидел в полутемном офисе редакции и пялился на интерфейс редактора для верстки публикаций. Он вспоминал его, когда поднимался из метро среди лабиринта человекоидов в спальном районе Москвы. Он думал о Бобби, коротая вечера на чересчур просторной кухне.

Саша говорил ему: «Я понимаю. Только куда ты можешь сбежать?».

И в один из этих вечеров Бобби ответил Саше: «Все равно, лишь бы подальше отсюда».

И Саша взялся придумывать место, куда мог бы отправиться Бобби. Вскоре в холмах к северу от городка, где его герой жил с родителями и младшим братом, появился Сафьяновый лес. Поговаривали, что в этом лесу творились странные: дети рассказывали друг другу в школьных коридорах, как видели на опушке ведьм, и магов, и непонятных сказочных существ.

И Бобби знал, что все это вранье и бред: его дом находился на самом краю города, и он регулярно сбегал в Сафьяновый лес после ссор с родителями или пинков от школьных хулиганов. Бобби взбирался на вершину холма на лесной опушке, где кто-то смастерил из бревен скамейку, и часами наблюдал оттуда за текущей у подножия рекой. Он думал о том, как хотел бы уплыть по этой реке — неважно, куда. Главное, чтобы подальше отсюда.

И однажды, придя к опушке, Бобби столкнулся с одним из обитателей Сафьянова леса.

7

Несколько недель Саша садился перед компьютером и не печатал ни строчки — только таращился в экран по часу за раз, не в силах поднести руки к клавиатуре.

Бывали моменты, когда он придумывал какую-нибудь цепкую фразу в качестве затравки — но стоило этой фразе появиться на экране, как она тут же превращалась во что-то беспомощное и безжизненное, что-то вроде: «В одну темную и мрачную ночь...».

Саша тут же представлял, как один из его старых читателей, один из его бывших друзей читает рукопись и смеется над всем подряд: над именем Бобби Гана, над манерой изложения, над сюжетом, в конце концов. Честно говоря, ему и самому было как-то неловко: ну что он в самом деле пишет про каких-то школьников в какой-то далекой Америке, про каких-то ведьм и заколдованные леса... Кому это вообще будет интересно?

Вот ты и докатился для книжек для детей, говорил себе Саша. Он-то всегда мечтал о том, как станет серьезным писателем и напишет Великий Роман, который станет его большим высказыванием о жизни, обществе и всем таком прочем. Он представлял себе, как у него, уже знаменитого, берут интервью, и он с притворной скромностью разъясняет ему, как он придумал ту самую знаменитую сцену и какой смысл вложил в очередную многозначительную реплику персонажа.

Он точно знал, что про приключения Бобби Гана ему таких вопросов задавать не будут. И в клуб серьезных писателей его с таким материалом никто не пустит.

8

— И в этом все дело?

Саша стучит ложкой о фаянс блюдечка. Издаёт раздраженный вздох. Смотрит в сторону витрины, где бариста с цветными волосами заливает сливки в чашку круговыми движениями. Смотрит на столик у окна, за которым двое седовласых мужчин думают, скрестив руки, над шахматной доской. Саша чешет макушку, где уже зарождается проплешина.

— Если я скажу, что в этом все дело, мы оставим эту тему?

Его собеседница смотрит куда-то поверх головы Саши, и он знает, что в этот момент компьютер в ее голове производит тысячу вычислений и перемещает гигабайты данных. Ищет лучший из десятка исходов.

— Хорошо, — говорит она. — Поговорим об этом потом. Лучше скажи, как ты заставил себя сесть за повесть?

— Я же сказал, — говорит Саша. — Я люблю сдаваться.

9

И он сдался.

В день февральского снегопада, завалившего Москву и все ее окрестности, Саша встал из-за стола, забыв про суп, и прошел, не разбирая дороги, сквозь переполненную столовую. Вокруг галдели, жевали, с лязгом двигали стулья, и пара человек сидела, уткнувшись в ноут-буки, и повара перекрикивались с кассирами за блестящими витринами.

Саши едва добрался сквозь эту звукоцветовую какофонию до двери туалета, ввалился внутрь, запер дверь дрожащими пальцами. Ему казалось, он задыхается, голова кружилась. Он уперся ладонями в раковину и взглянул на себя в зеркало.

Он увидел низкого, полноватого человека в круглых очках, потный лоб и отступающую в прошлое линию волос. Его рубашка вымокла от пота, брюки были мешковатыми и прежде, а с лицам на него взирал рассеянный взгляд человека, который слабо понимает эту жизнь.

Что-то всколыхнулось в его душе от этого зрелища, и он со всей дури хлопнул себя по щеке, затем еще раз и еще раз.

— Хватит! Хватит!

После пятого удара Саша вцепился в раковину, чтобы не свалиться на пол. Он увидел, как на щеке расцветает красное пятно, и ощутил, как ноют скулы, и это вернуло его к реальности.

Капли воды скопились на краях раковины под его ладонью. Кто-то прохаживался снаружи, и ему явно было невтерпех.

Саша повернул ручку крана. Брызнул в лицо теплой шипящей водой и пробормотал своему отражению в зеркале:

— И кому ты такой нужен?

Кто-то забарабанил в дверь туалета и крикнул:

— Слышь, ты там до вечера будешь сидеть?

Саша взглянул в сторону двери. Щель под дверью заслонила чья-то тень.

— Сейчас! — крикнул Саша в ответ.

Он вытер лицо бумажным полотенцем, потер щеку в тщетной попытке согнать красноту. Подумал: хоть бы не синяк — и открыл дверь. По ту сторону мялся с ноги на ногу бородатый мужик в толстовке — кажется, из раздела для автолюбителей.

— Ты там кабинку с рабочим местом перепутал, что ли? — спросил он.

Саша не ответил. Повесив голову, он побрел до своего столика, где уборщица в переднике кофейных оттенков забирала его макароны и чашку.

— Простите, — обратился к ней Саша. — Но я еще не доел.

Буфетчица, не глядя на него, сбросила оставшиеся макароны в мусорное ведро, которое катила за собой, и бросила ему:

— Не надо тут сочинять. Здесь свою еду никто не оставляет.

— Ну конечно, — пробормотал Саша. — Будто кто-то захочет украсть вашу еду...

— Чего? — встрепенулась буфетчица.

— Нет-нет, ничего...

Саше осталось только собрать вещи и пойти к выходу. В животе его росла тянущая пустота. Он был уверен, что причина не только в голоде.

В полутемной редакции этажом ниже его уже ждал тот самый стажер, что стал его начальником. Он сидел на рабочем месте Саши и хлебал чай из вечно покрытой разводами чашки.

— Я сяду? — спросил Саша.

— Не знаю, — ответил стажер-начальник. — Ты что-то не спешил вернуться.

— Но теперь я здесь. Я хочу работать.

Стажер-начальник соскочил со стола и сказал:

— Если еще раз так задержишься, можешь не приходить.

В его черных, как уголь, глазах вдруг мелькнула искра усмешки, и он добавил:

— Придется тебе жить на пожертвования от добрых людей в супермаркетах. Тогда, быть может, научишься ценить чужую щедрость.

Из полутьмы раздались несколько смешков, и Саша почувствовал, как кровь покидает его жилы, и он думал: они знали, они все это время знали и смеялись у меня за спиной.

А затем эту мысль перебил голос — ясный, спокойный голос, который задал простой вопрос: «И ты боишься того, что скажут *эти* люди?».

И вместо ответа в голове Саши зародились единственные слова, подходившие для его ситуации:

— Вам меня не уволить! Я уволюсь сам!

10

— Конечно, я ничего такого не сказал, — говорит Саша. — Но я об этом подумал!

Он отпивает кофе, снова морщится. Да что же такое, почему горечь, думает он и тянется за третьим кубиком сахара. Собеседница Саши не обращает внимания на его терзания.

— Расскажи, как продвигается работа, — говорит она.

— Над чем? — не понимает Саша.

— Над твоей рукописью.

— А, над рукописью...

Саша неопределенно машет рукой.

— С ней все замечательно, — говорит он, сражаясь с упаковкой сахара. — Я каждый день над ней работаю. Уже расписал, что будет в первых главах. Только концовку никак не придумаю, но это... Господи, да кто делает эти фантики?

Его собеседница молча кладет на стол мятую тетрадь. Саша замирает. Он знает эту тетрадь.

Девяносто шесть листов. Бледно-зеленая обложка. Стоит ему придвинуть тетрадь поближе, и он различает написанную наискосок синей ручкой фразу.

«Мы вернемся домой».

Заголовок книги, чей главный герой постучался к нему в голову недели назад.

— Откуда у вас... — начинает Саша и замолкает, потому что до него вдруг доходит. Его собеседница кивает с важным видом.

— Ты все правильно понял, — говорит она. — У меня нет этой рукописи. Зато она есть у тебя. Ее копия хранится у тебя в голове.

Перед изумленным Сашей из чашки кофе всплывают два белоснежных кубика, не растворившиеся в гуще. Он цепляет один из них пальцами, пытается вытянуть, и кубик сам собой рассыпается в тонкую, сухую струйку.

— Где я сейчас? — спрашивает он, толкая голос сквозь пересыхающее горло.

— Ты спишь у себя московской квартире, — отвечает японка. — На твоих часах — два ночи. Снаружи бушует вьюга.

— Тогда что... вот это?

— Кафе «Млечный путь» на улице города Дремовск, — пояснила собеседница. — Точнее, его копия. Она осталась в твоей памяти после старых визитов.

Саша смотрит в сторону прилавка и видит, что бариста исчезла, и кофемашина шипит вхолостую, выпуская пар из носика капучинатора. Шахматисты тоже пропали, оставив после

себя пустую доску: порыв ветра из форточки сшибает одинокого ферзя. Солнце за окном засло-
нила метель.

Саша не может сдержать эмоций. Он подпрыгивает на стуле и восклицает:

— Я знал, что это правда! — и тут же одергивает себя:

— Ну, то есть, сейчас это не правда, это во сне... Но вообще ведь правда?

Женщина по другую сторону стола кивает, и Саша выбрасывает вверх сжатые кулаки и
выкрикивает, обращаясь ко всем скептическим лицам в его прошлом:

— Выкусите, козлы! — и тут же добавляет смущенно. — Простите... Вы что-то хотели
сказать, наверное...

— Ничего, — отвечает ему женщина, и ее прежде суровые черты чуть-чуть смягчаются.
— Мне приходилось наблюдать более бурные реакции. Твоя значит лишь то, что ты не забыл
свои старые сны.

Саша кивает. Конечно же, он помнит. Как забыть то, что искорежило тебе жизнь?

— Тогда ты помнишь, что мы уже встречались. Прямо здесь, во «Млечном пути».

Саша вновь чешет макушку. Заглядывает в архивы памяти, пытается разглядеть лежа-
щие там размытые снимки — скопления форм и цветов без звукового сопровождения. Будто
смотрит на мир без привычных очков.

И все же среди форм и цветов, мелькающих в памяти, возникает женщина, сидящая по
другую сторону стола. Точно, он ее видел. Не только в этой кофейне: он помнит, как они гуляли
по солнечному провинциальному городку и спускались к реке, несущей медленные воды на
север.

— Можешь вспомнить, как меня зовут?

Он *почти* может. Ее имя мелькает перед глазами и на языке, словно пляшущее на ветру
пламя. Саша неуверенно проговаривает части имени:

— Ара... Арак...ава...

Он косится в сторону прилавка, где облако пара уже полностью поглотило кофемашину
и кассовый аппарат и подбирается к сдобе, упрятанной под стеклом.

Ох, жаль, думает Саша. Анеко говорила, что выпечка тут высший класс. Так, стоп...

— Анеко! — восклицает Саша. — Анеко Аракава.

Анеко кивает с гордым видом.

— Поздравляю, — говорит она. — Ты прошел первое испытание.

— Какое испытание?

— Ты доказал, что ты сновидец.

11

Саша проснулся в половину четвертого и понял, что больше не может спать. Поставил
на паузу плейлист для сна, игравший из телефона у изголовья кровати, и прошел на кухню по
холодной плитке, стараясь не стучать зубами. Поставил на газ чайник, в котором еще плеска-
лись остатки кипяченой воды, и сел смотреть в окно.

Вьюга снаружи прекратилась. Началась капель. Струйки воды бежали по стеклу, размы-
вая редкие огни в многоэтажках напротив, свечи уличных фонарей и красные огни на кры-
шах домов, служившие знаком «Стоп» самолетам. Где-то за рядами прямоугольных фасадов
машина шуршала по лужам.

Саша воспринимал все в качестве фонового шума: его мысли поглотил сон пятиминут-
ной давности. Он помнил, как пар из кофемашины поглощал зал кофейни, и он помнил, как
Анеко сказала: «У тебя есть редкий дар. Ты — сновидец».

И Саша ответил: «Круто! Погодите, а разве не все видят сны?».

Засвистел чайник.

Саша вздрогнул и вскочил с табуретки, чтобы погасить огонь. Пока он заливал кипяток
в чашку и макал в воду дешевый пакетик, его разум пытался воссоздать слова Анеко.

С чего она там начала? Что-то там про древних, которые верили, будто душа во время сна покидает тело и отправляется в путь по другим временам и реальностям. Но в реальности все было не совсем так, верно? Да, верно.

«Обычные люди видят только то, что уже есть у них в голове», сказала Анеко. «Сны обычных людей — это свалка их собственных мыслей. Однако сновидцы видят другие сны».

Сновидцы, продолжала Анеко, уходят во снах в другие миры. Сновидцы могут заходить в чужие сны. Сновидцы могут строить собственные сны.

И Саша, видимо, был одним из них.

12

— Получается, я как бы... вроде как избранный? — спросил Саша, болтая ложкой в бесполезном кофе, пытаюсь не выдать свое замешательство.

— Что-то вроде того, — неожиданно согласилась Анеко. — Человек не может стать сновидцем. Им можно только родиться. Этот принцип работает со многими вещами.

Саша покачал головой, выражая согласие. Ему было, что возразить, но он не собирался спорить.

— Ииии, что вы мне можете предложить? — спросил он.

— У нас есть для тебя работа, — ответила Анеко. — В своих снах ты не просто так попал в Дремовск. Этот место притягивает сновидцев. Здесь начинается много троп, ведущих в иные миры. На эти тропы стекается много пилигримов. Не все из них приходят с добрыми намерениями. Понимаешь, о чем я?

— Кажется, понимаю, — кивнул Саша и тут же хитро прищурился. — Вы меня не хотите завербовать во взломщики?

— Что? — растерялась Анеко. — Нет.

Она покачала головой.

— Мне кажется, ты слишком много смотришь фильмы.

Саша опустил взгляд.

— А чем мне еще заняться, — сказал он. — В реальном мире у меня не так много дел.

Саша вздохнул.

— Я знаю, что вы мне предложите, — сказал он. — Я должен сразу сказать, детектив из меня так себе. Я даже детские загадки не умею разгадывать. По-моему, я ни отгадал ни одну загадку в своей жизни.

— Это неважно, — ответила Анеко. — Для этого есть люди вроде меня. Охотники.

— А что требуется от меня?

— Ты можешь стать тем, кто будет строить выдуманные миры. Нам нужен архитектор.

13

Дальше детали терялись. Едва Саша цеплялся за последние минуты сна, они превращались в подобие засвеченных кадров пленки. Все-таки экспозиция никогда не была его сильной стороной.

Задумавшись, он поболтал пакетиком в чашке. Вода внутри уже потемнела достаточно, чтобы сойти за чай, и Саша отпил горькую жидкость, по вкусу больше схожую с носками.

Какая гадость, подумал он. Может, перейти на кофе?

Его словно ударило током, и Саша хлопнул по столу.

— Элементарно, Ватсон! Элементарно!

14

За пять минут Саша выбросил пакетик, вылил в мойку дешевый чай, набросил на себя первые вещи, какие попались в гардеробе, и спустился на шесть этажей к выходу. На крыльце остатки снега мешались с песочной грязью.

От подъезда до ближайшего фастфуда было пятнадцать минут пешком. Саша не возражал. Ещё в студенческие годы, когда он жил с родителями, ему нравилось бродить по вече-

рам. Ничего особенного: просто часовой променад по любимым улицам с крюком через районный парк и, может быть, визитом в кофейню. Хороший способ передумать мысли, которые в остальное время тонут в шуме повседневности.

Саша пробовал сохранить эту привычку, когда ему купили отдельную квартиру на южной окраине Москвы, но быстро забросил эту идею. Уж слишком ощущал он гнет однотипных фасадов новостроек, похожих на контейнеры в грузовом порту, и чересчур прямых улиц, запаркованные вусмерть, и тротуаров без деревьев, где вдоль дорог промозглый ветер гнал окурки и обрывки рекламных листовок.

Но в ночь, когда он вышел, поглощенный сном, все было иначе. Может, дело было в самом сновидении — а может, на Сашу влиял теплый ветер, который пах талой водой и мокрой землей.

Так или иначе, но в ту ночь нависшие над ним темные стены, и пустые вестибюли подъездов, и лампы над пустыми почтовыми ящиками, и далекие кольца автомобильной развязки впервые за годы сулили что-то, кроме дальнейшего прозябания. Он шел сквозь пространства, ждущие отпечатков людских ног, и кто-то внутри подсказывал ему, что скоро он оставит эти места позади.

Он знал это, потому что во сне Анеко сказала ему: «Приезжай в Дремовск. Нам нужен такой человек, как ты».

К тому моменту все вокруг уже окутал пар, и сквозь его молочную пелену проступал лишь силуэт окна, горящий фальшивым светом более светлых дней. Анеко это, кажется, ничуть не смущало.

Не спеша она достала из кармана пальто крохотный розовый листок с запиской от руки и положила его поверх тетради с рукописью Саши. Поначалу он не разобрал ни строчки: буквы растекались и разваливались на отдельные завитки.

То, что доктор прописал, подумал Саша и вопросительно взглянул на Анеко, которую уже окутывал пар.

«Незнакомые надписи во сне всегда тяжело читать», кивнула Анеко. «Еще сложнее их запомнить. Настоящему сновидцу под силу и то, и другое».

Саша вновь опустил глаза. Он подвинул листок, чтобы еще раз прочитать заглавие на тетради: «Мы вернемся домой». Вновь взглянул на записку, и в этот раз завитки сложились в буквы и в слова, а слова обрели смысл.

Осталось лишь вспомнить, что это был за смысл.

15

Ресторан быстрого питания «Застава» стоял напротив путей легкого метро. Вывеска в форме округлой буквы W, поставленной на бок, бросала отсветы золотом на пустые в тот час рельсы. В те вечера, когда Саше становилось слишком одиноко, он приходил сюда, чтобы понаблюдать поезда, проезжающие за сетчатым забором, и послушать чужие разговоры.

Сейчас, подходя к зданию «Заставы», Саша мог видеть через вытянутые окна только пару работников в темно-зеленой униформе. По пустой парковке расползались ручьи талой воды.

Лишь у окошка для автомобилей стояла потрепанная черная легковушка. Ее борт покрывал тонкий слой пыли и грязи. Саше показалось, что он видит через окно со стороны пассажира рыжие волосы. Водитель ухватил бумажный пакет, протянутый из окошка кассы, поднял стекло, и машина тронулась с места, прочь от «Заставы» и мыслей Саши.

Он потянул на себя массивную входную дверь и шагнул в зал, озаренный стерильным светом. «Застава», в отличие «Млечного пути», больше походила не на кафе, а на какой-то странный цех. Тесные прямоугольные столики, белоснежные терминалы самообслуживания, экраны с номерами заказов над стойкой выдачи — все здесь продумали так, чтобы посетители продвигались по невидимой конвейерной ленте и без задержек покидали зал.

Здесь никто не сядет играть в шахматы, подумал Саша.

И все же то был общепит, и в этом общепите подавали кофе — а большего Саша и не спрашивал.

Он заказал у сонного кассира с разукрашенным акне лицом, чашку эспрессо. Дождался, пока пухлая девушка со стеклянным взглядом принесет ему стаканчик, исходящий паром, и сел за любимый столик в углу. Отсюда сквозь окно можно было следить за поездами метро и мельтешением машин на шоссе.

Саша уже надорвал пакетик с сахаром и занес его над чашкой, когда внутренний голос подсказал ему: «Не стоит. Не порти чистоту эксперимента».

Саша отложил пакетик и потянулся пальцами обеих рук к стаканчику. Отдернул их. Вновь обхватил стаканчик, поднес к губам и отставил. Выглянул в окно и увидел, как мимо проезжает фура с синим кузовом, украшенным логотипом в виде пятиконечной звезды со шлейфом.

«Преврати грезы в реальность!», призывал рекламный слоган под звездой.

— Чего ты так боишься, — пробормотал Саша, и вдруг понял, что этот вопрос уже задавала Анеко. Настал момент взяться за кофе.

Он отпил прогорклый, перегретый напиток, закрыв глаза, и холодный свет ламп, бьющий ему под веки, обернулся метелью внутри «Млечного пути». Он увидел, как Анеко следит за ним сквозь густеющую пелену своим вечно оценивающим взглядом, и услышал собственный голос.

16

— Я... я даже не знаю, — говорит Саша, выслушав предложение Анеко.

— Почему? Чего ты боишься?

— Бросить все в Москве и поехать неизвестно куда... — говорит неуверенно Саша. — Даже не знаю...

— А что у тебя есть в Москве?

— У меня... У меня работа... Квартира... — бормочет Саша, пряча взгляд. — Родные...
Рукопись, в конце концов...

В стекло и раму окна хлещет ветер. Форточка в верхнем углу распаивается, и порыв вместе со снегом проносится по комнате, раскрывая тетрадь.

Ее страницы были сплошь покрыты зачеркиваниями.

— Эй, это личное! — восклицает Саша.

Он второпях захлопывает тетрадь и тут же соображает, что поздно. И с самого начала было поздно. Саша швыряет тетрадь, и она исчезает за пеленой вьюги.

— Ну давайте! — обиженно выпаливает он. — Вы скажите мне за вранье. Думаете, мне самому не обидно? Думаете, я не пытался? Я каждый день... Почти каждый день пытался...

Он ждет, что Анеко смутится или возмутится его выпадом, но она, не меняя выражения, переходит к следующему вопросу:

— Почему у тебя ничего не вышло?

Саша жмет плечами, ежась на холоде.

— Над моими прошлыми сочинениями все только смеялись, — говорит он. — Почему новые должны вызвать другую реакцию?

— Потому что в этот раз тебе помогу я.

Ей приходится повысить голос, чтобы перекричать шипящий туман и вой вьюги, гуляющей по кофейне. Снег уже засыпал столешницу, заполнил чашки с кофе, запутался в волосах Анеко и приморозил проплешину Саши. Ложечки, уложенные на блюдечках, звякают от резких порывов ветра.

— Забудь, что было в Москве, — не дожидаясь ответа, продолжает Анеко. — Забудь несбывшиеся надежды. Приезжай в Дремовск. Стань тем, кем тебе суждено было стать. Два-

дцатое марта, двенадцать часов тридцать минут, Земский вокзал. Назови свое имя на третьей кассе, и тебе выдадут билет.

Бесплатно, запоминает Саша.

Ему кажется, что к вою выюги примешивается незнакомый гул, похожий то ли на свист, то ли на гудок поезда. Снег колет Саше глаза и уши, но он делает последнее усилие и кричит поверх гула вопрос, который вертится в его голове:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.